

Весенние травы буйно разрастаются на покоренной земле;

Развалины летнего дворца погребены под толщей пыли*.

* Стихотворение Ли Бо.

С тех пор как император Ляо* во время южной кампании захватил Шанцзы, ханьцы отступили за Юйбигуань, и территории, простирающиеся на триста ли к югу от Юйбигуань, включая провинцию Хэбэй, стали частью империи Ляо. В Хэбэе был город под названием Жунань. С древнейших времен он был распределительным пунктом между центральной равниной и теми, кто жил к северу от Великой стены, но теперь, когда он стал частью Ляо, те ханьцы, которые могли бежать на запад, бежали на запад, а те, кто мог двигаться на юг, двигались на юг. Город, который раньше был самым процветающим в Хэбэе, сейчас находился в запустении — в нем осталось менее тридцати тысяч семей.

* В новелле используются исторические названия и места, но не как в реальности. Существовала империя Ляо, также называемая Киданьской империей. Юань была Монголией, а Южная Чэнь (за основу взята Южная Сун) — Хань.

В городе Жунань проживала семья Дуань.

Дуань была средней по размеру семьей — не слишком большой и не слишком маленькой. Они занимались торговлей со странствующими купцами, владели ломбардом и маслобойней. Глава семьи заболел чахоткой и умер, не дожив до тридцати пяти лет, и теперь вся семья полагалась на управление госпожи Дуань.

Сегодня был восьмой день двенадцатого лунного месяца*, и отблески заката освещали дорогу, создавая впечатление, будто по камням мостовых, заполняющих переулки Жунани, разливались волны жидкого золота. Со двора Дуань донесся душераздирающий крик.

* Все даты указаны по лунному календарю, поэтому вместо солнечных названий месяцев они просто пронумерованы. Китайский новый год обычно приходится на период с 21 января по 20 февраля. Двенадцатый месяц обычно самый холодный, также известен как «месяц сохранения».

— Ну что, будешь еще воровать вещи госпожи Дуань?!

— Что молчишь?! Выродок! Мелкий негодяй!

Дубинка колотила по голове и телу мальчика подобно каплям дождя, издавая тупые, грохочущие звуки. Мальчик был одет в лохмотья, его лицо было покрыто грязью, а голова и лицо были черно-синими от синяков. Один глаз опух, а на руках были фиолетово-черные царапины, которые кто-то нанес ногтями. Он пытался убежать в заднюю часть дома, но

случайно наткнулся на служанку, опрокинул деревянный поднос в ее руках, и это заставило управляющую снова закричать.

Тогда он, не заботясь о своей жизни, бросился вперед и кинулся на женщину, сбивая ее с ног. Он прицелился ей прямо в лицо и стал наносить удары.

Мальчик открыл рот и начал кусаться. Управляющая вскрикнула:

— Убивают!

Этот вопль привлек внимание агрессивного мускулистого конюха, который бросился к нему с вилами. Мальчик получил сильный удар по затылку. В одно мгновение у него потемнело в глазах, и он потерял сознание. Затем его били до тех пор, пока он не очнулся от боли, вплоть до того, что его плечо начало кровоточить, после чего его взяли за воротник и бросили в дровяной сарай. Они закрыли за ним дверь и заперли ее.

— Приходите сюда за своими вонтонами...

Он слышал, как из переулка, за стеной, старик зазывал покупателей. Каждый вечер в сумерках лао Цянь проходил по улицам и закоулкам с шестом за плечами.

— Дуань Лин! — со стороны двора доносились детские голоса.

— Дуань Лин!

Их крики разбудили мальчика. На плече Дуань Лина был порез от вил, а заклепка пробила дыру в ладони. Он попытался встать, прихрамывая.

— Ты в порядке? — крикнул ребенок снаружи.

Дуань Лин, тяжело дыша, с лицом, искаженным от боли, уже не мог удержаться на ногах. Он ответил: «Да...» и тяжело опустился на пол. Услышав ответ, дети поспешно ушли.

Медленно сползая на землю, он свернулся калачиком в сыром и темном дровяном сарае. Сквозь крышу он смотрел на серое небо, и на него падали хлопья снега. Среди бескрайних туч и снежной метели, в самой вышине, словно вспыхнула и погасла звездная искра.

Постепенно становилось темнее и тише, пока все не смолкло. По всей Жунани семьи начали зажигать свои теплые желтые лампы. Их крыши были покрыты мягким снежным одеялом, а Дуань Лин все еще дрожал в дровяном сарае: от голода он бредил. Сцена за сценой возникали перед его глазами в беспорядочной череде образов.

Иногда это были руки его покойной матери, иногда кружевное платье госпожи Дуань, а иногда искаженное лицо управляющей.

— Подходите за своими вонтонами.

Я ничего не украл, думал про себя Дуань Лин. Он крепче сжал в ладонях два медяка, в его глазах стояла сплошная тьма.

Неужели я умру? Сознание Дуань Лина начало затуманиваться. Смерть всегда казалась ему таким далеким понятием.

Три дня назад он увидел мертвого попрошайку, замершего под Зеленым мостом, вокруг него толпились люди. В итоге его положили на тележку, выкатили за город и похоронили в общей могиле.

В тот день он присоединился к толпе и последовал за ними из города вместе с другими детьми. Он наблюдал, как они завернули его тело в травяную циновку и закопали нищего в яме. Рядом с ямой была еще одна, поменьше. Теперь, когда он задумался об этом, возможно, после смерти его похоронят рядом с бедняком, которого он никогда не видел...

Ночь становилась все более темной, и Дуань Лин едва не окоченел с ног до головы. Последний вздох превратился в клубящийся перед ним белый туман; снежинки порхали в воздухе. Его мысли блуждали, и он задался вопросом, когда же прекратится снегопад. Перед его глазами появилось солнце, как бесчисленными летними утрами на пороге рассвета, когда небо начинает светлеть.

Солнце превратилось в лампу, и когда дверь в дровяной сарай с протяжным скрипом распахнулась, свет лампы упал ему на лицо.

— Выходи! — грубовато сказал конюх.

— Это Дуань Лин? — снаружи донесся мужской голос.

Дуань Лин лежал на боку на земле, почти незаметно подергиваясь, лицом к двери. Его конечности и тело застыли в неподвижности. С трудом он попытался сесть. Мужчина вошел, опустился перед ним на колени и внимательно стал изучать его черты лица.

— Ты болен? — спросил мужчина.

В голове Дуань Лина помутнело, перед глазами были одни фантомы и галлюцинации.

Мужчина держал между пальцами пилюлю. Он положил ее в рот Дуань Лину и поднял его на

руки.

В полубессознательном состоянии он смутно услышал запах этого человека, и с каждым легким шорохом его шагов тропинка словно постепенно начала нагреваться.

В старом халате Дуань Лина зияла дыра, а камышовые метелки, вшитые в подкладку, со всех сторон прилипали к нему.

Стояла темная безлюдная ночь; мерцал свет фонаря.

С Дуань Лином на руках он шел по коридору, наполовину заполненному тенями, наполовину освещенному лампами, и за ним тянулся шлейф трепещущих камышовых метелок.

По обеим сторонам коридора сквозь стены теплых комнат до них доносились звуки безудержного девичьего смеха, смешиваясь с пудровой тишиной снегопада и высокими, тягучими тонами оперного пения. Мир становился все теплее и теплее, и в нем появился свет.

Они продвигались из зимы в весну, из ночи в день.

Небо с землей — для всего живущего, это какой-то постоянный двор. А время лишь гость, безостановочно проходящий по сотням веков...*

* «Весенняя ночь в фруктовом саду» Ли Бо, оригинал был немного перефразирован.

Дуань Лин медленно начал приходить в себя, его дыхание стало неровным и тяжелым.

Они находились в ярко освещенном зале для приемов. Госпожа Дуань откинулась на спинку кушетки и смотрела на кусок атласа с пейзажной вышивкой в своей руке, казалось, погрузившись в раздумья.

— Госпожа Дуань, — произнес мужской голос.

В словах госпожи Дуань был намек на улыбку:

— Вы знаете этого мальчика?

— Нет, — мужчина все еще держал Дуань Лина.

Дуань Лин почувствовал, как лекарство, которое он принял раньше, растаяло в горле, в живот вернулось тепло, а силы, казалось, прибыли. Он прислонился к груди мужчины, повернувшись лицом к госпоже Дуань, но ему было слишком страшно смотреть на нее. Все, что он видел, —

это маленький уголок роскошной, покрытой парчой кровати.

— Вот его свидетельство о рождении, — снова произнесла госпожа Дуань.

Управляющая принесла свидетельство о рождении и передала его мужчине.

Дуань Лин был невысоким, недокормленным, болезненным и желтушным. Прижавшись к груди мужчины, он немного боязливо заерзал, и тот опустил его на пол. Дуань Лин прислонился к нему, нашел опору и устался на мужчину. Он был одет в черную мантию, заплатка на его боевых сапогах отсырела, а с пояса свисало нефритовое украшение.

Мужчина сказал:

— Пожалуйста, назовите вашу цену.

— Ну, мы не собирались брать этого ребенка с самого начала, — с улыбкой произнесла госпожа Дуань. — Когда его мать вернулась домой беременной, было так холодно, и ей некуда было идти. Говорят, провидение дорожит жизнью и все такое, но, как только он задержался в этом доме, казалось, этому не будет и конца.

Мужчина ничего не ответил. Он пристально смотрел в глаза госпожи Дуань, ожидая, что она продолжит.

— Скажем так, — сказала госпожа Дуань, тяжело вздыхая, — По крайней мере, его мать доверила его мне. Письмо все еще у меня. Вот, господин. Может быть, вы захотите взглянуть?

Управляющая протянула ему еще один лист бумаги. Мужчина даже не удосужился посмотреть на него, отложив его в сторону.

— Но, видите ли, я даже не знаю, как вас зовут. Если я вот так просто отдам его, ничего не зная, что я скажу Дуань Сяовань на том свете? Разве вы так не думаете?

Мужчина промолчал.

Госпожа Дуань протянула руку, расправила рукав и очаровательно ответила ему:

— Вся эта история с Дуань Сяовань — сплошная морока. Ну, я думаю, что раз ее больше нет, то прошлое можно просто списать. Допустим, вы заберете мальчика сегодня — а если когда-нибудь придет кто-то другой и скажет, что его прислал отец, что я ему скажу? Разве вы так не думаете?

Мужчина по-прежнему ничего не сказал.

Госпожа Дуань улыбнулась ему, а затем перевела взгляд на лицо Дуань Лина и помахала ему рукой. Тот подсознательно сделал шаг назад и спрятался за мужчиной, зажав угол его платя между пальцами.

— Эй, — сказала госпожа Дуань, — господин, вы должны хотя бы предоставить мне какое-то объяснение.

— У меня нет объяснений, — наконец открыл рот мужчина. — Только деньги. Назовите свою цену.

Госпожа Дуань не знала, что и ответить.

Мужчина снова погрузился в молчание. Судя по тому, что она увидела, госпожа Дуань поняла, что этот человек явно собирался дать ей только единовременную сумму и погасить долг по воспитанию ребенка. Он не намеревался рассказывать ей, кто он такой, и его не волновало, что будет потом, оставляя все последствия на ее усмотрение.

Прошло некоторое время. Госпожа Дуань пыталась понять, о чем думает мужчина, но он уже потянулся к карману и достал несколько разноцветных банкнот.

— Четыреста таэлей, — наконец-то назвала цену госпожа Дуань.

Мужчина зажал между пальцами одну банкноту и протянул ее госпоже Дуань.

Дуань Лин не мог отдышаться. Он не знал, чего хотел этот человек, но однажды слышал от служанок, что зимними ночами кто-то всегда спускался с гор, чтобы купить детей. Они возвращали детей на гору и предлагали их чудовищам на съедение. Инстинктивно его охватило чувство страха.

— Я не пойду! — закричал Дуань Лин. — Не надо! Не надо!

Дуань Лин обернулся и пустился бежать. Он успел сделать всего один шаг, как служанка схватила его за ухо и потащила назад, причиняя жгучую боль.

— Отпустите его, — глубоким голосом сказал мужчина, а затем положил руку на плечо Дуань Лина.

Эта рука весила более трех тысяч кэtti*. В этот момент Дуань Лин не мог пошевелиться ни на шаг.

* Кэти — единица измерения веса, варьирующаяся от династии к династии. В настоящее время стандарт — 500 г.

Управляющая взяла банкноту и протянула ее госпоже Дуань. Между ее бровей пролегла легкая морщина, и мужчина сказал:

— Оставьте сдачу себе. Пойдем.

Дуань Лин вскрикнул:

— Я не пойду! Я не пойду!

Госпожа Дуань улынулась:

— На улице кромешная тьма. Куда вы собираетесь идти? Почему бы вам не остаться здесь на ночь?

Дуань Лин кричал во весь голос, но мужчина лишь смотрел на него сверху вниз.

— Что случилось? — спросил он, строго вскинув брови.

— Я не хочу, чтобы меня скормили монстрам! Не продавайте меня! Не...

Дуань Лин попытался спрятаться под стол, но мужчина оказался быстрее. Он схватил Дуань Лина, согнул длинный палец к ладони, щелкнул им в точку на талии Дуань Лина, и тот упал навзничь.

Он подхватил его и вынес за дверь под недоверчивым взглядом госпожи Дуань.

— Не бойся, — мужчина взял Дуань Лина под руку и глубоким голосом добавил. — Я не скормлю тебя чудовищу.

Как только они вышли из поместья, порыв холодного ветра обдал его лицо, словно нож, взметая снег, и Дуань Лин почувствовал, как ци* проникла обратно в горло, блокируя его. Он открыл рот, но из него не выходило ни звука.

* Ци. Если вы не знакомы с этим понятием, то можете представить ее как Силу из «Звездных войн».

— Меня зовут Лан Цзюнься, — произнес мужской голос. — Запомни: Лан Цзюнься.

— Подходите сюда за своими вонтонами — эй! — медленно и уверенно говорил пожилой мужчина.

У Дуань Лина заурчало в животе. Он посмотрел на прилавок с вонтонами. Человек по имени Лан Цзюнься остановился, на мгновение задумался и усадил его. Достав несколько монет, он бросил их в бамбуковую трубку перед прилавком, и они с металлическим звуком ударились о дно.

Дуань Лин немного успокоился. Он задался вопросом: кто этот человек? Почему он забрал меня из этого места?

Желтая лампа перед подставкой для вонтонов отбрасывала свет сквозь падающий снег. Лан Цзюнься нажал на несколько мест на спине Дуань Лина, снимая печать с его акупунктурных точек. Тот уже собирался снова позвать на помощь, когда Лан Цзюнься сказал: «Т-с-с», и старик принес Дуань Лину миску горячих вонтонов.

— Ешь, — сказал Лан Цзюнься.

Дуань Лин больше не мог ни о чем беспокоиться. Он взял миску и сразу же приступил к еде, совершенно не заботясь о том, что она может ошпарить ему горло. Вонтоны были из свиного фарша, толстые и полные начинки, посыпанные кунжутом и дробленным арахисом. Небольшой кусочек сала был растоплен в супе, и его аромат будоражил чувства. На дне миски лежала вареная горчичная зелень.

Дуань Лин приступил к уплетанию еды. Голод победил страх, и пока он ел и суп попадал ему на лицо, лисья шуба опустилась на спину, а затем обернулась вокруг него.

Он вылил остатки супа в рот, отложил палочки и выдохнул. Только после этого он повернулся и посмотрел на Лан Цзюнься.

У него, словно сошедшего с картины, была светлая кожа, высокая переносица и глубоко посаженные глаза, а в его зрачках отражался свет фонарей в переулке и нескончаемый снег.

Его одеяние подчеркивало его высокий рост: на верхней одежде были вышиты свирепые монстры, а пальцы были длинными и красивыми. На поясе висел меч — блестящая вещь, которую Дуань Лин видел только на сцене.

Иногда, когда те, кто сколотил состояние, возвращались домой из столицы, они проезжали по улицам на больших, высоких лошадях, и Дуань Лин протискивался в толпу, чтобы посмотреть на них. Он видел этих молодых людей, пышущих успехом, приобретенном при дворе или в торговле, одетых в атлас и парчу.

Но никто из них не мог похвастаться такой красотой, как он. Что в нем такого

привлекательного, Дуань Лин сказать не мог.

Ему было страшно, он боялся, что этот человек по имени Лан Цзюнься на самом деле чудовище в человеческом облике, и в следующую секунду он покажет свои клыки и проглотит Дуань Лина, чтобы набить себе брюхо. Но Лан Цзюнься просто смотрел на него, не отрываясь.

— Ты наелся? — спросил Лан Цзюнься. — Хочешь еще что-нибудь съесть?

Дуань Лин не решился ответить. Он думал о том, как от него сбежать.

— Если ты сыт, тогда пойдем, — сказал Лан Цзюнься и протянул Дуань Лину руку. Тот отшатнулся от него, бросая умоляющий взгляд на лао Цяня, словно взывая о помощи, но Лан Цзюнься просто вывернул свою руку и взял Дуань Лина за ладонь. Не смея сопротивляться, он послушно ушел с Лан Цзюнься.

— Госпожа, — доложил слуга. — Этот человек с тем выродком в переулке, ест вонтоны.

Госпожа Дуань натянула на себя халат и беспокойно моргнула. Она позвала управляющую:

— Пусть кто-нибудь проследит за ним. Узнайте, куда он ведет этого паршивца.

Из всех окон Жунани лился свет. Лицо Дуань Лина покраснело от холода. Лан Цзюнься вел его по сырым заснеженным улицам, и тот ступал босыми ногами. Когда они дошли до городского ресторана «Нефритовая капля», Лан Цзюнься наконец заметил, что у Дуань Лина нет обуви, и взял его на руки. Он повернулся к зданию, свистнул, и как только он это сделал, к ним выбежала лошадь.

— Подожди меня здесь. Мне нужно кое-что сделать.

Лан Цзюнься закутал Дуань Лина в меховой плащ и помог ему забраться на спину лошади.

Дуань Лин склонил голову и посмотрел на него. У того были красивые черты лица, глаза и брови резкие и четкие, словно вырезанные из нефрита; а к волосам прилипли камышовые метелки. Лан Цзюнься велел ему подождать, а затем повернулся и исчез в ночи, словно сокол, расправивший крылья.

Воображение Дуань Лина разбушевалось. Кто этот человек? Стоит ли ему бежать? Но спина лошади была слишком далеко от земли, и он не решился спрыгнуть вниз, боясь сломать ногу, а еще больше — опасаясь, что лошадь может его лягнуть. Он размышлял о том и о сем: вручить ли свою судьбу этому незнакомцу или предоставить ее самому себе? Главный вопрос — куда

бежать? И как раз в тот момент, когда он окончательно решил оставить вопрос своей жизни и смерти на усмотрение небес, в глубине переулка снова появился силуэт. Лан Цзюнься поставил ногу в стремя и сел на лошадь.

— Пошел!

Огромная лошадь ступала по мостовой, издавая звуки, похожие на хлопки. Она галопом вылетела из переулка, и в ночи, не встретив ни души, они оставили Жунань позади.

Дуань Лин, сопев, сидел перед Лан Цзюнься, и до его носа доносился запах влажной одежды. Неожиданностью стало то, что одежда Лан Цзюнься была сухой на ощупь, как будто ее только что высушили на огне. Она вкусно пахла, как свежеприготовленный шаобин*. Его руки держали поводья, а на рукаве красовалась подпалина.

* Шаобин — слоеная булочка.

Дуань Лин обратил внимание на то, что раньше он не был обожжен. Что он пошел делать до этого?

Дуань Лин вспомнил одну историю: говорили, что в долине Хэйшань* за городом покоятся люди из подпольных организаций, убитые во время конфликтов предыдущих династий. Они похоронены в горах и гниют уже более века, ожидая, когда придут дети, чтобы украсть их тела. Сначала они превращаются в людей, каждый из которых красив до невозможности и обладает выдающимися навыками боевых искусств, а когда находят ребенка, приводят его к могиле, показывают свои гниющие лица и забирают детскую энергию ци.

* 黑山. Долина Хэйшань, буквально «долина черных гор».

Те дети, чьи тела были украдены, так и останутся лежать в этих могилах, а упыри получают их кожу и могут проложить себе путь в мир смертных и жить припеваючи.

Дуань Лин не мог унять дрожь. Он много раз думал о том, чтобы спрыгнуть с лошади и убежать, но лошадь была слишком высока. Если он спрыгнет, то наверняка сломает себе ноги.

Неужели Лан Цзюнься — упырь? Воображение Дуань Лина опережало его. Что, если упырь захочет поглотить его ци? Может, отвезти упыря к кому-нибудь другому? Нет, нет... Он не должен был никому вредить.

Кто-то ждал под городскими воротами, чтобы открыть их для Лан Цзюнься, и лошадь продолжила нестись на юг галопом сквозь метель по дороге. К общей могиле они не пришли, в долину Хэйшань тоже не заехали. Дуань Лин начал чувствовать себя спокойнее, и по мере того, как они мчались по дороге, его все больше клонило в сон. Он медленно уснул в окружении чистого сухого запаха Лан Цзюнься.

В его снах две бесконечные линии гор и долин проносились мимо подобно картине на холсте в театре теней.

Снег, словно гусиный пух, падал вниз, собираясь в одеяло, а бледно-зеленые вершины горных массивов казались нарисованными чернилами — будто мазок на белом свитке. Именно в этом чернильном пейзаже их конь несся прочь.

— Принесите две миски каши Лаба*.

* Каша Лаба — густая рисовая каша с орехами и сухофруктами, которую готовят 8 декабря по лунному календарю. День, в который ее традиционно едят, широко известен как праздник Лаба.

Голос Лан Цзюнься затих, и все вокруг залил теплый свет ламп. Дуань Лин так хотел спать, что даже не мог открыть глаза. Он ворчливо перевернулся, но Лан Цзюнься похлопал его по плечу.

В гостевой комнате перевалочного пункта официант принес им две миски каши Лаба. Лан Цзюнься дал ее Дуань Лину, и он снова с жадностью поглотил ее, его глаза бегали туда-сюда, украдкой рассматривая Лан Цзюнься.

— Все еще голоден? — спросил Лан Цзюнься.

Дуань Лин настороженно наблюдал за ним. Лан Цзюнься сел на кровать, но Дуань Лин, весь на нервах, просто зарылся обратно в одеяло.

Лан Цзюнься никогда раньше не ухаживал за детьми, и на его лице появилось слегка озадаченное выражение. У него не было ни одной конфеты, чтобы угостить ребенка. Подумав немного, он отвязал от пояса нефритовое украшение в виде дуги.

— Это тебе.

Нефритовая дуга была прозрачна и чиста и похожа на отрезанный кусочек твердой конфеты, но Дуань Лин не решался взять ее. Он перевел взгляд с нефритовой дуги на лицо Лан Цзюнься.

— Бери, если хочешь, — сказал Лан Цзюнься.

Его слова были теплыми, но в голосе не было эмоций. Зажав нефрит между пальцами, он протянул его Дуань Лину.

Тот с трепетом взял его, повернул в руках и начал рассматривать. Затем его взгляд снова вернулся к лицу Лан Цзюнься.

— Кто ты? — вдруг вспомнил и спросил Дуань Лин. — Ты... ты мой отец?

Лан Цзюнься не ответил. Дуань Лин слышал бесчисленные слухи о своем отце. Кто-то говорил, что его отец — чудовище, живущее в горах; кто-то — что он нищий; кто-то говорил, что его отец однажды вернется за ним — что ему суждено жить в роскоши.

Но Лан Цзюнься ответил:

— Нет, прости, что разочаровал тебя. Это не так.

Дуань Лин тоже так не думал, но на самом деле он не так и разочаровался. Лан Цзюнься, казалось, погрузился в размышления. Когда он пришел в себя, то сказал Дуань Лину лечь и уложил его спать.

— Засыпай.

Завывание метели превратилось для Дуань Лина в эхо; Жунань была уже на тридцать ли позади, но Дуань Лин был покрыт порезами, и как только он заснул, ему приснилось, что его избивают, а затем он погрузился в череду кошмаров.

Иногда он дергался, иногда вскрикивал от страха и не переставал дрожать.

Лан Цзюнься сначала постелил себе на полу, но во второй половине ночи, заметив, что кошмары Дуань Лина не прекращаются, лег рядом с ним на кровать. Каждый раз, когда Дуань Лин протягивал руку, он позволял ему ухватиться за свою большую и теплую ладонь. Только после нескольких таких приступов Дуань Лин начал успокаиваться.

На следующий день Лан Цзюнься принес горячую воду и искупал его, вытерев все его тело. Дуань Лин — сплошная кожа да кости, а его руки и ноги были покрыты шрамами. Старые раны еще не зажили, а на них уже появились новые порезы. Они ужасно болели, пока он сидел в горячей воде, но он не обращал внимания на боль. Все внимание Дуань Лина было сосредоточено на том, как Лан Цзюнься перебирал нефритовую дугу в своих руках.

Дуань Лин спросил его:

— Тебя послал мой отец?

— Ш-ш-ш... — Лан Цзюнься прижал палец к его губам. — Не спрашивай. Ни о чем не спрашивай. Я буду рассказывать тебе понемногу. Если тебя спросят, скажи, что твоя фамилия

Дуань, а твоего отца зовут Дуань Шэн. Мы с тобой из семьи Дуань в Шанцзы. Твой отец занимается торговлей в Шанцзине* и Сычуани* и доверил тебя семье своего дяди. Поскольку ты уже подросток, твой отец послал меня за тобой, чтобы я отвез тебя в Шанцзин, где ты сможешь начать учиться. Понял?

* □□ означает «верхняя столица». Шанцзин был одной из 5 столиц династии Ляо, когда часть Китая находилась под властью киданей (она находится на территории современного автономного района Внутренняя Монголия, в городе Чифэн).

* Сычуань — провинция на юге центральной части Китая.

Лан Цзюнься наложил на раны Дуань Лина лечебную мазь, помог ему облачиться в легкую одежду без подкладки и завернул в соболиную шубу, в которой он утопал. Он сказал Дуань Лину, чтобы тот сел как следует, и заглянул ему в глаза.

Дуань Лин недоверчиво посмотрел на Лан Цзюнься, но через мгновение кивнул.

— А теперь повтори.

— Моего отца зовут Дуань Шэн.

Они поскакали галопом к берегу реки. Лан Цзюнься спрыгнул с лошади, повел ее к замерзшей переправе и шел рядом, пока она переносила Дуань Лина через реку.

— Я из семьи Дуань в Шанцзы... — повторил Дуань Лин.

— Я еду в Шанцзин, чтобы учиться... — засыпая и подремывая, Дуань Лин раскачивался на лошади взад-вперед.

За тысячу ли отсюда, под Юйбигуань, Ли Цзяньхун, прихрамывая и пошатываясь, пробирался вперед по сугробам.

Он был весь в ранах и синяках, спотыкался на ходу, многие кости были сломаны. Единственное, что поддерживало его, — это меч на спине и красная веревка, висящая на шее.

Алая нить была продета через кулон. Он был прозрачен и чист — это была белая безупречная нефритовая дуга.

Порыв ветра смел снег, упавший на нефрит, и он мягко засветился в темноте.

Далеко-далеко, на другом конце света, где находилась другая нефритовая дуга, казалось, будто великая сила звала его. Перед ним возвышались горы Сянбэй*, через которые не мог перелететь даже северный ястреб-тетеревятник, и река Динцзюнь, через которую не могли переплыть даже рыбы. Эта сила была на другом берегу реки. Это было ярмо, но и судьба.

* Горы Сянбэй — это историческое название, которое, вероятно, относится к Большому Хинганскому хребту.

Эта сила, казалось, пустила корни в его душе; она текла по его венам, поддерживая его, пока он прорывался вперед.

Какой-то голос будто постепенно приближался к нему в метели. Это была стая волков, бегущих по глуши, или вихрь, способный уничтожить мир?

— Бэнь Сяо!*

* Полное имя Бэнь Сяо — 十萬里, или «10 000 ли в стремлении к небесам».

К нему, вздымая пыль, галопом мчался прекрасный черный конь с четырьмя белыми копытами.

— Бэнь Сяо!

Крик боевого коня пронзил небо и устремился к Ли Цзяньхуну. Он схватил поводья и, собрав все силы, бросился к коню, чтобы забраться ему на спину.

— Вперед! — крикнул Ли Цзяньхун и исчез в метели вместе с Бэнь Сяо.

Они переходили реки вброд и ехали на север. Постепенно земли на их пути становились все более населенными. Лан Цзюнься снова и снова учил Дуань Лина не рассказывать никому из незнакомцев о своей прежней жизни, пока Дуань Лин не стал повторять это наизусть. Лан Цзюнься также рассказывал ему интересные факты и шутки о Шанцзы, и постепенно Дуань Лин забыл о своих тревогах и боли.

Его кошмары, как и раны по всему телу, постепенно прошли. К тому времени, когда порезы на спине зарубцевались, другие раны зажили, а их корки отпали, оставив лишь слабые следы, Лан Цзюнься наконец закончил это, казалось бы, бесконечное путешествие, и Дуань Лин лицезрел самый процветающий город, который когда-либо видел.

Океан цветов отражался от башен, а река искрилась от проходящих шелков и повозок*.

Пересекая западные склоны гор Сянбэй, на закате сквозь бескрайнюю пустыню пробивалась красная полоса; река Цзинь, сверкая, обвивала город, словно извилистая лента.

* Стихотворение Ли Бо.

Шанцзин в сумерках был величественен и высок.

— Мы на месте, — сказал Дуань Лину Лан Цзюнься.

Дуань Лин укутался поплотнее: все это путешествие было очень холодным. Он обнял Лан Цзюнься, и они вдвоем посмотрели на далекий Шанцзин с седла. Его глаза слегка закрылись — было очень тепло.

Когда они добрались до столицы, уже наступила ночь. У городских ворот стояла строгая охрана; Лан Цзюнься отдал свои документы, и стражник заметил Дуань Лина.

— Откуда ты? — спросил охранник.

Дуань Лин пристально посмотрел на него и ответил:

— Моего отца зовут Дуань Шэн.

Дуань Лин уже выучил это имя вдоль и поперек, он сказал:

— Я из семьи Дуань в Шанцзы...

Охранник нетерпеливо оборвал его рассказ:

— Какие у вас отношения?

Дуань Лин повернулся к Лан Цзюнься.

— Я друг его отца, — ответил он.

Охранник снова и снова просматривал бумаги, но в конце концов нехотя пропустил их внутрь.

Город был ярко освещен, а по обеим сторонам улиц лежал снег. Был уже почти конец года.

Пьяница у дороги нес в одной руке фонарь, а в другой — кувшин с вином. Певица сопровождала себе на цине*, а другие, сидя или отдыхая, ждали у неприметных таверн.

* Обычно этим словом называют гуцинь, но оно также используется для цитры.

Ночью доносились громкие голоса куртизанок, приветствующих своих клиентов, и вооруженный мечник остановился, чтобы посмотреть на них. Ужасно пьяный богатый торговец с яркой нарядной женщиной под мышкой раскачивался взад-вперед и чуть не перевернул лавку с лапшой. По покрытой льдом улице проехала карета. Под крики носильщиков роскошные высокие паланкины отрывались от земли и двигались во все уголки Шанцзина, словно отдельные дома.

На центральных улицах было запрещено ехать верхом, поэтому Лан Цзюнься усадил Дуань Лина на коня и держал поводья, пока тот шел. Дуань Лин был весь закутан, кроме одной прорези в меховой шапке, через которую он с любопытством смотрел по сторонам. Свернув на боковую улицу, Лан Цзюнься снова сел на лошадь, и они, вздымая снежинки, галопом помчались мимо внушительных дворовых усадеб и темных переулков.

Музыка осталась позади, но на улицах все равно было светло. По обеим сторонам тихих переулков висели большие красные фонари, и единственным звуком был треск льда под копытами лошадей. Многочисленные уединенные двухэтажные дворовые дома примыкали друг к другу в конце переулка, и над ними, слой за слоем, висели фонари. Их теплый свет перекрывал даже слабый снегопад.

Они остановились у черного хода в темном переулке, и Лан Цзюнься сказал Дуань Лину:

— Спускайся.

За дверью сидел нищий. Лан Цзюнься даже не удосужился посмотреть на него. По щелчку пальцев мелочь упала в миску бедняка и со звоном опустилась на дно. Дуань Лин с любопытством повернул голову, чтобы посмотреть на него, но Лан Цзюнься отвернулся и, смахнув снег с одежды, повел его внутрь. Он знал дорогу и шел мимо галереи в саду, через центральный двор в боковое крыло, по пути слышались звонкие удары молоточков цинь.

Как только они оказались в отдельной гостиной, Лан Цзюнься словно расслабился.

— Присаживайся. Ты голоден?

Дуань Лин покачал головой, и Лан Цзюнься велел ему сесть за низкий столик перед печью, а сам опустился на одно колено, чтобы помочь Дуань Лину снять шубу, стряхнуть снег с сапог и развязать шапку-ушанку. Затем Лан Цзюнься сел, скрестив ноги, и посмотрел на него; в его глазах был намек на нежность, но она была запрятана так глубоко, что, казалось, просто промелькнула мимо.

— Это твой дом? — с сомнением спросил Дуань Лин.

— Это место называется «Калиновый двор»* . Пока что мы останемся здесь. Через несколько дней я отведу тебя в новый дом.

* Полное название — 鞑靼, но это особый вид калины, который сейчас вымер. Его выращивали только в Янчжоу, а когда Южная Сун перешла под власть монгольской династии Юань, растение вымерло вместе с ней.

Дуань Лин никогда не забывал, что Лан Цзюнься просил его ничего не спрашивать, поэтому во время их путешествия задавал очень мало вопросов и держал многие свои подозрения при себе, как тревожный, бдительный кролик, но внешне выглядел довольно спокойным — наоборот, Лан Цзюнься объяснял Дуань Лину все по собственной инициативе.

— Тебе холодно? — спросил Лан Цзюнься и, взяв в свои большие руки ледяную ногу Дуань Лина, начал растирать ее. Его брови нахмурились.

— У тебя слишком слабое телосложение.

— Я думала, ты больше не вернешься, — из-за спины Лан Цзюнься до них донесся серебристый голосок девушки.

Дуань Лин поднял голову и увидел, что за дверью появилась красивая молодая женщина в расшитом халате, а за ней — две служанки.

— Я отправился в поездку, чтобы закончить кое-какие дела.

Лан Цзюнься даже не оглянулся. Он развязал пояс Дуань Лина, открыл их дорожный сверток, достал сухие вещи и поменял верхнюю одежду Дуань Лина. Только когда он вытряхнул платье, он нашел время взглянуть на девушку. Она вошла в комнату и уставилась на Дуань Лина.

Тому стало немного не по себе под ее пристальным взглядом, и он нахмурился, но девушка заговорила первой:

— Кто это?

Дуань Лин сел прямо, и в его голове пронеслись слова: «Я — Дуань Лин, моего отца зовут Дуань Шэн...»

Но не успел он их произнести, как за него ответил Лан Цзюнься:

— Это Дуань Лин.

Затем Лан Цзюнься сказал ему:

— Это госпожа Дин.

Дуань Лин повернулся к госпоже Дин, сжал кулак в другой руке в соответствии с этикетом, которому его научил Лан Цзюнься, и начал рассматривать ее с ног до головы. Девушка по имени Дин Чжи засияла. Она приложила обе руки к левой стороне талии, сделала реверанс* и с улыбкой сказала ему:

— Приветствую вас, господин Дуань.

* Левая рука на левом бедре, правая рука над левой рукой, взгляд вниз, слегка согнутые колени.

— Кто-то из Северной администрации приходил? — рассеянно спросил Лан Цзюнься.

— С учетом того, что с границы приходят сообщения о ходе боев под горами Цзянцзюнь*, никто не появлялся целых три месяца.

* Они находятся примерно возле современного Пекина.

Дин Чжи села поодаль и сказала служанке:

— Принесите нам закуски, чтобы господин Дуань мог немного подкрепиться.

Затем Дин Чжи сама взяла чайник и налила чашку чая, протягивая ее Лан Цзюнься. Тот принял ее и сделал глоток.

— Имбирный чай. Он помогает согреться.

И передал его Дуань Лину.

На протяжении всего путешествия Лан Цзюнься пробовал все, что Дуань Лин хотел съесть или выпить, чтобы убедиться, что еда в порядке. Дуань Лин уже привык к этому, но когда он начал пить чай, то заметил, что Дин Чжи смотрела на него с недоумением, ее прекрасные ясные глаза слегка сузились, пока она пристально разглядывала его.

Через некоторое время служанка принесла им закуски. Это все были блюда, которых Дуань Лин никогда не видел и о которых никогда не слышал. Лан Цзюнься, похоже, был уже хорошо

знаком с поведением Дуань Лина и напомнил ему:

— Ешь медленно. Ужин будет позже.

На протяжении всего путешествия Лан Цзюнься снова и снова повторял ему, что независимо от того, что он ест, он не должен набрасываться на еду. Это противоречило привычкам Дуань Лина, но он не мог послушаться Лан Цзюнься, и постепенно до него дошло, что никто больше не будет бороться с ним за еду. Он сразу же взял кусок пирога и начал не спеша жевать его. Дин Чжи просто сидела, не шевелясь, как будто все, что происходило в гостиной, не имело к ней никакого отношения.

Только когда на стол поставили две коробки с едой, а Лан Цзюнься заставил Дуань Лина сесть перед низким столиком и сказал, что он может приступать к еде, Дин Чжи взяла у служанки подогретый кувшин с вином и опустилась на колени рядом с Лан Цзюнься, чтобы налить ему.

Тот поднял руку, загораживая пальцами чашу.

— Пьянство мешает делу.

— Это императорская дань за прошлый месяц. Ляннаньская водка.

Дин Чжи спросила:

— Не хочешь попробовать? Госпожа позаботилась о том, чтобы подготовить ее к твоему возвращению.

Лан Цзюнься не стал отказываться и выпил одну чашку. Дин Чжи снова наполнила ее, и он выпил и ее. Она наполнила чашку в третий раз, а когда Лан Цзюнься допил, то перевернул ее и поставил на стол.

Дуань Лин, затаив дыхание, все это время смотрел на Лан Цзюнься, пока тот пил алкоголь.

Дин Чжи двинулась, чтобы налить и Дуань Лину, но Лан Цзюнься протянул руку и зажал ее рукав между двумя пальцами, не давая ей этого сделать.

— Ты не можешь позволять ему пить алкоголь, — сказал Лан Цзюнься.

Дин Чжи улыбнулась Дуань Лину. «Я пыталась» — говорило ее выражение лица.

Тот действительно хотел попробовать алкоголь, но его покорность по отношению к Лан Цзюнься взяла верх над жаждой.

Пока Дуань Лин ужинал, его мысли постоянно пытались определить, что это за заведение и что за отношения связывали Лан Цзюнься с этой девушкой; выражение его лица то и дело мелькало, и он не мог удержаться от того, чтобы не бросить взгляд на Лан Цзюнься и девушку — ему просто хотелось услышать, о чем еще они будут болтать.

Даже сейчас Лан Цзюнься не сказал Дуань Лину, зачем он привел его сюда. Знает ли госпожа Дин? Почему она не спрашивает о его происхождении?

Госпожа Дин время от времени поглядывала на Дуань Лина, словно что-то прикидывая в уме. Вскоре он отложил палочки, и она наконец заговорила. Дуань Лину показалось, что его сердце словно перетянули струной до самого горла.

— Вам нравится еда, господин? — спросила Дин Чжи.

Дуань Лин ответил:

— Я никогда раньше не пробовал такой еды. Очень вкусно.

Дин Чжи засмеялась. Когда служанка унесла коробки с едой, она сказала:

— Пожалуйста, прошу меня извинить.

— Продолжай, — произнес Лан Цзюнься.

— Сколько дней ты пробудешь в Шанцзине на этот раз? — спросила Дин Чжи.

— Как только я здесь обоснуюсь, больше не уеду, — ответил Лан Цзюнься.

Глаза Дин Чжи словно просветлели, и она улыбнулась, обращаясь к служанке.

— Проводите господина Лан и господина Дуань в гостевой двор.

Служанка повела их за собой с фонарем, а Лан Цзюнься закутал Дуань Лина в свою волчью шубу, взял его на руки, и через крытую галерею они попали во двор для гостей, засаженный сине-зеленым бамбуком. Неподалеку раздался звук разбивающейся об пол чашки, а после — пьяный мужской крик.

— Не оглядывайся, — сказал Дуань Лину Лан Цзюнься и занес его в комнату. Он бросил служанке, вошедшей следом за ними, простое указание:

— Вам не нужно нам прислуживать.

Служанка поклонилась. Комната была наполнена слабым ароматом благовоний; Дуань Лин не увидел печи, но здесь было очень тепло. Снаружи была труба, уходящая прямо в землю, и из нее выходил дым, свидетельствующий о наличии подземной угольной печи «дракона»*.

* Исторически известно, что они использовались во дворце во времена династии Цин и представляли собой подобие напольных обогревателей.

Лан Цзюнься заставил Дуань Лина прополоскать рот. Тот так устал, что едва проснулся. Он лежал на кровати в однослойной одежде, и Лан Цзюнься уселся у кушетки.

— Завтра я возьму тебя с собой за покупками.

— Правда? — Дуань Лин снова взбодрился.

— Я пойду спать. Я буду рядом.

Рука Дуань Лина все еще держала его рукав, и он выглядел немного разочарованным. Лан Цзюнься был в замешательстве, но, понаблюдав немного за Дуань Лином, понял — тот хотел, чтобы он спал с ним.

С тех пор как они покинули Шанцзы, Лан Цзюнься ни разу не отходил от Дуань Лина. Они вместе ели днем и спали ночью. Теперь, когда Лан Цзюнься собрался уйти, тот не мог не бояться.

— Тогда... — Лан Цзюнься немного поколебался и ответил. — Неважно. Я останусь с тобой.

Лан Цзюнься снял сорочку, обнажив грудь, и притянул Дуань Лина к себе. Он опустил голову на крепкую и сильную руку Лан Цзюнься, как и раньше, и только тогда его веки стали тяжелыми, и он медленно уснул.

От Лан Цзюнься исходил приятный запах мужской кожи, словно Дуань Лин уже привык к его одежде и телу, и ему казалось, что если он прижмется к Лан Цзюнься, то больше ему не будут сниться кошмары. Сегодня он пережил слишком много событий, и его мозг был перегружен большим количеством информации. Так много снов, всего одна ночь, и как бы ни кружилась голова, казалось, что он не сможет увидеть их все.

Во второй половине ночи прекратил идти снег, и мир стал необычайно тихим; сон за сном наплывали на него, как волны, и, сам не зная почему, Дуань Лин проснулся. Когда он повернулся, то ухватился лишь за теплое покрывало.

Лан Цзюнься, лежащий рядом с ним, исчез, а тепло от него осталось на одеяле. Дуань Лин начал нервничать и, не зная, что делать, тихонько слез с кровати, открыл дверь и вышел на улицу.

Из соседней комнаты проникал свет. Дуань Лин прошел по коридору босыми ногами и на цыпочках заглянул через оконную решетку.

Внутри было просторно и светло, на половине кровати низко висел полог, а Лан Цзюнься раздевался, стоя спиной к окну.

Его воротник был застегнут до самого адамова яблока, и он поспешно развязывал его. Он откинул пояс халата в сторону, и тот сразу же спал, открывая взору широкую, подтянутую спину, красивую линию талии и упругие ягодицы. Его обнаженное тело было на виду, а очертания напоминали мускулистого, стройного, крепкого боевого коня. Когда он повернулся в сторону, стал хорошо виден его эрегированный мужской орган.

Дуань Лин затаил дыхание, сердце бешено заколотилось в груди, и он не удержался и сделал шаг назад, сбив цветочную решетку.

— Кто там? — Лан Цзюнься обернулся посмотреть.

Дуань Лин поспешно развернулся и убежал.

Лан Цзюнься быстро накинул на себя халат и вышел на босу ногу, а Дуань Лин с грохотом закрыл дверь.

К тому времени, как Лан Цзюнься вошел, он уже лежал на кровати и притворялся спящим. Лан Цзюнься не знал, смеяться ему или плакать: он пошел к тазу с водой, выжал мокрое полотенце, сбросил халат на пол и начал вытирать свое обнаженное тело. Дуань Лин открыл глаза, подглядывая за каждым его движением. Лан Цзюнься отвернулся и, словно пытаясь утихомирить какое-то взволнованное чувство, завернул эту возбужденную вещь в холодную влажную ткань и вытер ее, делая послушной.

За решетчатым окном появился силуэт.

— Я ложусь спать. Я не приду, — тихо сказал Лан Цзюнься.

Шаги становились все более отдаленными. Дуань Лин повернулся лицом к стене. Мгновением позже Лан Цзюнься надел длинные штаны и забрался под одеяло, прижимаясь грудью к его спине. Дуань Лин развернулся, и Лан Цзюнься поднял руку, чтобы тот мог использовать ее в качестве подушки. Он снова почувствовал себя в безопасности и заснул, прильнув к груди Лан Цзюнься.

Мышцы Лан Цзюнься, температура его тела и запах его кожи во сне вернули Дуань Лина в южную зиму, окруженную объятиями жгучего, палящего солнца.

Но в ту же ночь в Сычуани моросил дождь, и мелкие капли падали вниз, покрывая все, что только попадалось на глаза.

При свете свечей тени от оконных решеток плясали по длинной крытой галерее. По ней медленно шли два силуэта, а за ними следовали два телохранителя.

— Его окружила двадцатитысячная конница, и каким-то образом они все же позволили ему уйти.

— Не волнуйтесь. Я уже расставил сети. Дорога, ведущая в Лянчжоу и на северо-восток, перекрыта. Он никогда не сможет перейти горы Сянбэй, если только не отрастит крылья.

— Я же говорил, что не стоит передавать им эту работу. Этот парень уже много лет участвует в войнах за Великой стеной. Он знает местность. Когда он окажется в лесах, мы не сможем найти ни его шкуры, ни волос!

— Тот, кто сидит на том месте, уже сошел с ума — он больше не вмешивается в политику, а четвертый принц — болезненная особа. Раз уж мы с вами это начали, то назад дороги нет. Даже если он вернется прямо сейчас, мы сможем наказать его за неисполнение долга. Генерал Чжао, только не говорите мне, что вы боитесь?

— Почему вы!

Тот, кого назвали «генералом», с ног до головы был облачен в военное снаряжение — кто же это был еще, как не краеугольный камень Южной Чэнь, Великий генерал имперских войск Поднебесной Чжао Куй.

Идущий с ним в ногу человек, напротив, был одет в пурпурную* мантию, указывающую на его высший ранг чиновника — первый ранг, достойное положение, не имеющее себе равных. За пределами длинной галереи их тени отбрасывались на ширму, и оба погрузились в молчание. За ними следовали два телохранителя, скрестив руки, и оба не произносили ни слова. У телохранителя слева на шее была татуировка в виде белого тигра, а бамбуковая шляпа прикрывала половину его лица, оставляя открытой лишь кривую ухмылку, которую нельзя было назвать улыбкой.

* Высший ранг, темно-красно-фиолетовый.

Телохранитель справа был крупным мужчиной ростом в девять чи, с головы до ног которого были открыты только его глаза: на нем были перчатки, мантия, маска на лице, и время от времени он бросал острый и злобный взгляд вверх, но мысли его, похоже, были заняты другим.

Чжао Куй холодно произнес:

— Мы должны послать кого-нибудь за ним прямо сейчас. Мы на свету. Он — в темноте. Если это затянется, боюсь, ситуация может измениться.

Высокопоставленный человек ответил:

— Если он за пределами Юйбигуань, то туда мы не можем направить войска. Единственное, что мы можем сделать, — это ждать, пока он сам себя покажет.

Чжао Куй вздохнул.

— Если он попросит убежища у Ляо и вернется с одолженными войсками, то все станет намного сложнее, чем сейчас.

— Император Ляо не станет одалживать ему войска.

Высокопоставленный человек добавил:

— С Южной администрацией уже достигнута договоренность. Он умрет по дороге в Шанцзин.

— Вы думаете, он так прост.

Чжао Куй повернулся лицом к сырому восточному дождю и вышел во двор. Волосы на его висках уже поседели, его взгляд был устремлен на собеседника, и он выверил каждое слово:

— Когда-то на Ли Цзяньхуна работала дворняга. Помесь сянбэйца и ханьца. Хотя мы не знаем, как его зовут и откуда он родом, предполагаю, это тот человек, которого вы не смогли найти. Эта сянбэйская шавка появляется и исчезает без следа, поэтому никто даже не знает, как его зовут. Он — последний камень го, который есть у Ли Цзяньхуна.

— Если это действительно так, — ответил высокопоставленный мужчина, — то, полагаю, У Ду и Чан Люцзюнь могли бы встретиться с ним. В конце концов, не так уж много людей могут считаться достойными противниками. Вы слышали об этом человеке?

Телохранитель в маске ответил:

— Я слышал о нем, но не знаю его имени. Некоторые называют его Безымянным. У него крайне дурной послужной список — им совсем не просто управлять. Скорее всего, он не станет делать все, что попросит Ли Цзяньхун.

Чжао Куй спросил:

— Что за дурной послужной список?

— Он выступил против дома своего учителя, убил его, что считается отцеубийством; он предал тех, кто учился у того же учителя, и тем самым пошел против естественного порядка. Он безжалостен и никогда не оставляет никого в живых, — сказал телохранитель в маске. — Кровавый ветер, черный пик*, один порез приносит смерть. Так о нем говорят.

* Цин фэн — черный пик. Это про меч Лан Цзюнься — «Цинфэнцзянь».

— Для убийцы это звучит вполне нормально, — произнес высокопоставленный человек.

— Один порез приносит смерть, — негромко сказал телохранитель в маске.

— Это означает, что он не позволяет никому объясниться. Работа убийцы — убивать, но они не лишают жизни тех, кого не требуется.

— Даже если он убьет не того человека, этот парень даже глазом не моргнет, — закончил телохранитель в маске.

— Если я правильно помню, — сказал высокопоставленный мужчина, — Ли Цзяньхун, вероятно, все еще владеет Чжэньшаньхэ. Если он владеет Чжэньшаньхэ, значит, и этот человек должен слушаться его приказов.

Охранник в маске ответил:

— Даже если Ли Цзяньхун владеет мечом, он все равно должен уметь им пользоваться, чтобы отдавать приказы.

— Неважно, — окончательно прервал этот разговор Чжао Куй.

На заднем дворе снова стало тихо. Прошло много времени.

— У Ду, — сказал Чжао Куй.

Стоящий за ним телохранитель в шляпе утвердительно хмыкнул.

— Отправляйся сегодня, — произнес Чжао Куй, — двигайся ночью, не торопясь, и не останавливайся, пока не разыщешь Ли Цзяньхуна. Как только ты его найдешь, тебе ничего не нужно будет делать, я пошлю с тобой кого-нибудь другого. Когда все будет сделано, не забудь вернуть мне его меч и голову.

Уголок рта телохранителя изогнулся. В знак согласия он скрестил руки, повернулся и ушел.

Карета выехала на дорогу за усадьбой генерала. Свет фонарей вдалеке отражался от влажных камней.

— Ты когда-нибудь видел Цинфэнцзянь? — донесся голос высокопоставленного мужчины.

— Все, кто когда-либо видел Цинфэнцзянь, мертвы.

Стражник в маске выглядел погруженным в раздумья, и, взмахивая кнутом, направлял карету вперед, сопровождая высокопоставленного человека по дороге.

— По твоему мнению, — сановник откинулся на подушку кареты и, не задумываясь, спросил. — Каков У Ду по сравнению с Безымянным?

Телохранитель в маске ответил:

— У У Ду есть заботы, а у Безымянного их нет. Заботы У Ду заключаются в его соперничестве — он не может позволить себе проиграть и не может пустить дело на самотек. А у Безымянного нет забот.

— Нет забот? — спросил высокопоставленный мужчина.

— Только те, у кого нет забот, те, кого ничего не волнует, могут считаться умелыми убийцами.

Телохранитель в маске невозмутимо сказал:

— Тот, кто отнимает чужую жизнь, должен сначала отдать свою собственную. При наличии эмоциональной привязанности убийца будет подсознательно дорожить собственной жизнью, не решаясь ее потерять, и поэтому потерпит неудачу. Предположительно, у этого Безымянного нет родственников. Он убивает не для того, чтобы получить более высокий ранг, но и не ради награды. Возможно, убийство для него — не более чем увлечение. Вот почему он на голову выше У Ду.

Высокопоставленный мужчина спросил:

— А между тобой и У Ду?

Телохранитель в маске спокойно сказал:

— Ну, я бы хотел сразиться с ним разок.

— Жаль, что у вас больше не будет такой возможности, — изящно произнес высокопоставленный господин.

Телохранитель в маске не ответил.

— Тогда... каков ты по сравнению с Ли Цзяньхуном? — этот человек снова задал вопрос.

— Воу!

Телохранитель в маске подогнал лошадь, открыл шторку кареты и помог мужчине выйти из нее. У входа в поместье висел фонарь с четко написанным на нем иероглифом «Му».

Нынешний канцлер* Южной Чэнь: Му Куанда.

* Чэнсян (陳善) - высшее должностное лицо при дворе, премьер-министр.

— Если я, У Ду, Безымянный и Чжэн Янь будем действовать сообща, — ответил телохранитель в маске, — у нас может быть возможность выстоять против Его Высочества третьего принца.

<http://bllate.org/book/15657/1400635>